

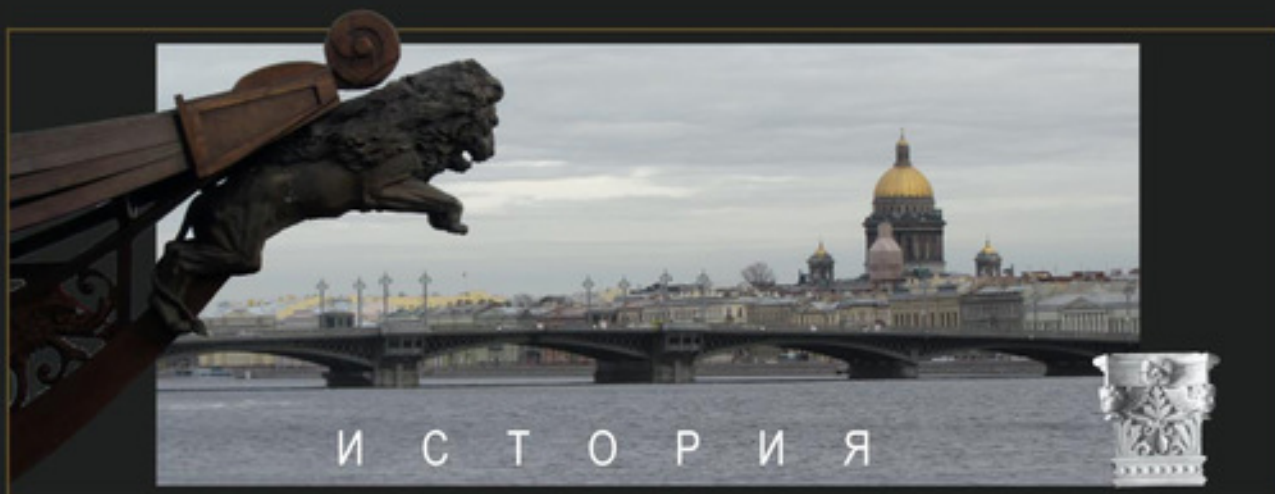
А Л Е К С А Н Д Р

М А Р Г О Л И С

ПЕТЕРБУРГ

избранные ОЧЕРКИ

И С Т О Р И Я

С О В Р Е М Е Н Н О С Т Ь

Всё о Санкт-Петербурге

Александр Марголис

**Петербург. История и
современность. Избранные очерки**

«Центрполиграф»

2014

Марголис А. Д.

Петербург. История и современность. Избранные очерки /
А. Д. Марголис — «Центрполиграф», 2014 — (Всё о Санкт-Петербурге)

Книга составлена из очерков авторитетного петербурговеда А. Д. Марголиса. Он выбрал их для публикации под одной обложкой из множества своих работ культурологического и краеведческого характера, выполненных в разное время, но посвященных одному – любимому городу. Разнообразны затронутые в них темы: от «философических» рассуждений о Петербурге как объекте всемирного культурного наследия до горьких размышлений о местах захоронений жертв красного террора; от рассказа о дворцах и особняках Романовых до описаний петербургских тюрем; от рассказа о петербурговедах до истории самиздатовского журнала эпохи перестройки.

© Марголис А. Д., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

От автора	8
Петербург как город Всемирного наследия	10
Литература	17
Венеция и Петербург на исходе XX столетия	18
Феномен «коренного» петербуржца: мифы и реальность	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Марголис

Петербург: история и современность. Избранные очерки

Серия «Всё о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 года

Автор идеи Дмитрий Шипетин Руководитель проекта Эдуард Сироткин

© Марголис А. Д., 2014

© ООО «РТ-СПб», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

От автора

В книгу вошли избранные очерки, написанные за последнюю четверть века, частично переработанные или дополненные специально для этого издания. Их тематическая и жанровая мозаичность отражает разнообразие моих интересов и занятий в последние годы. Но так или иначе все они связаны с Петербургом, его историей и современностью.

Первая группа очерков («Санкт-Петербург как город Всемирного культурного наследия», «Венеция и Петербург на исходе XX века», «Феномен коренного петербуржца: мифы и реальность», «Единица Петербурга – площадь», «Петр Великий – первый архитектор Петербурга») посвящена тому, что принято называть «феноменом Петербурга». В их основе – доклады, сделанные автором на международных конференциях и семинарах в России и за рубежом, где обсуждались особенности Петербурга как города Всемирного культурного наследия.

Вторая группа («Петербургские дворцы и особняки Романовых», «Английская набережная, 10», «Грибоедов и декабристы в доме Вальха у Харламова моста», «Памятник П. И. Багратиону на Семеновском плацу») представляет собой рассказы о конкретных памятниках и памятных местах нашего города.

Самостоятельную тематическую группу составляют очерки, посвященные тюрьмам и некрополям террора в Петербурге и его окрестностях («Петербургские тюрьмы», «Записные книжки зрителя тюрьмы Трубецкого бастиона», «Некрополь красного террора в Петропавловской крепости», «Левашовская пустошь и Ковалевский лес»). Они продолжают и дополняют мою книгу «Тюрьма и ссылка в императорской России», которая вышла в свет в 1995 году.

В центре моего внимания в последние годы находятся вопросы истории петербурговедения и вековой борьбы за сохранение культурного наследия. Из всего опубликованного на

эту тему в книгу отобраны очерки «Петербурговеды от Андрея Богданова до наших дней», «Музей Старого Петербурга», «Из истории Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины», «„Экология культуры“ Д. С. Лихачева». Сюда примыкает заметка о городском самиздатском журнале «Меркурий», написанная в период работы над сборником «Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки» (СПб., 2009). В ней идет речь о том, что возросшая во второй половине 1980-х годов общественная активность горожан проявилась, в первую очередь, в деле спасения от разрушения старых домов, хранящих память о замечательных людях и просто составляющих необходимый элемент архитектурной среды в историческом центре города.

Заключительный раздел книги составляют работы о петербургских адресах классиков отечественного градостроительства Ивана Михайловича Гревса и его ученика Николая Павловича Анциферова, а также крупнейшего социолога XX века Питирима Александровича Сорокина.

Январь 2014 года

Петербург как город Всемирного наследия

Название «город-памятник» сопровождает Петербург уже на протяжении десятилетий. Определение это настолько прочно вошло в обиход, что стало практически неотделимым от образа города. В том числе и для самих петербуржцев. А потому все, что связано с культурным наследием Петербурга, вызывало и вызывает живой интерес, порождая множество бурных дискуссий. При этом далеко не всегда участники этих дискуссий хорошо представляют себе реальную картину нынешнего состояния Наследия, историю сложной борьбы за его сохранение.

В 1990 году исторический центр города на Неве вместе с дворцово-парковыми ансамблями пригородов и некоторыми другими памятниками был внесен в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО как единственное в своем роде и совершенное воплощение на обширном пространстве европейской идеи регулярного города, гармонизированного с природным ландшафтом.

«Петербургская стратегия сохранения культурного наследия», принятая городским правительством в ноябре 2005 года, констатирует: «Высокая степень сохранности и подлинности исторических территорий послужила основанием для включения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО исторического центра Санкт-Петербурга вместе с группами памятников пригородов». Действительно, общепризнанно, что среди исторических городов Петербург – уникальный по масштабу памятник, сохранивший в основных чертах грандиозный исторический центр и ожерелье пригородных ансамблей. В городе Всемирного наследия под охраной государства состоят почти 7800 объектов. Это здания и инженерные сооружения, сады и парки, пруды и каналы, монументальная и садово-парковая скульптура, исторические захоронения и археологические объекты. Образ Петербурга формируют не только отдельные шедевры зод-

чества, но и целостная архитектурно-пространственная среда. Именно это выделяет город на фоне других мегаполисов мира, во многом определяя его самобытность и привлекательность.

Рождение новой столицы огромной страны явилось эпохальным событием. Оно знаменовало временной рубеж между древнерусским средневековым и «петербургским» периодами истории России. Город, основанный Петром Великим в 1703 году у восточных ворот Балтики, сыграл решающую роль в модернизации страны, в преобразении ее в великую мировую державу.

В отличие от древних городов, Петербург не складывался стихийно в течение веков, а был построен за поразительно короткое время. В основу его рационального плана легли идеи Петра Великого. Северная столица на берегах Невы создавалась как эталон европейского города, но с истинно русским размахом. В его строительстве участвовали вся страна и почти вся Европа. Сюда приезжали из-за рубежа архитекторы, художники и ученые, ремесленники, торговцы и моряки. Петербург стремительно осваивал и претворял глубинные традиции и современный опыт западной культуры и градостроительства. Так складывался удивительный урбанистический и социокультурный феномен: русский европейский город со своими неповторимо самобытными обликом, характером и аурой.

Важная отличительная черта российской истории – постоянное переселение, колонизация и освоение новых территорий. Для восточных славян, а позднее великороссов, изначально было привычным селиться и жить рядом с иными племенами и народами, в основном мирно соседствуя с ними. Это сформировало одну из черт русского национального характера – терпимость и уважение к чужому, умение понять, проникнуть в инородное, взять оттуда необходимое для себя и при этом сохранить самобытное; обогатившись иным, остаться самими собой. «Подвижность русской природы позволяет им легко подражать любому стилю поведения, – писала в начале XIX столетия Анна Луиза Жермена де Сталь. – В зависимости от обстоятельств они напоминают своими манерами то англичан, то французов, то немцев, но при этом всегда остаются русскими». Благодаря этой «всемирной отзывчивости» (Федор Достоевский) и смогла возникнуть обширная и многонациональная Россия, высшим воплощением которой явился Санкт-Петербург. Он не стал Вавилонской башней или случайным конгломератом культур, а обрел единство и цельность, сделав своих жителей петербуржцами независимо от их национальности, преобразовав европейские стили барокко и неоклассицизм в «русское барокко» и «русский классицизм». В культурную ткань Петербурга органично вошли палладианские постройки Джакомо Кваренги и Чарльза Камерона, египетские сфинксы и маньчжурские Ши-Цзы, она включает сокровища Эрмитажа и этнографические коллекции Кунсткамеры, собранные со всего света.

Для понимания «души Петербурга» очень важны два природных фактора. Это самый северный из крупнейших городов мира. Он расположен на 60-й параллели, которая проходит через Гренландию и Аляску на границе Заполярья. Отсветы полярного дня творят чудо природы, которое является ярчайшей достопримечательностью Северной Венеции – белые ночи. Еще одно петербургское чудо – река Нева. Если справедливо утверждение, что Волга – главная улица России, то Нева – главная улица Петербурга. Полноводная, мощная река сравнительно коротка: всего 74 километра отделяют исток из Ладожского озера от устья при впадении в Финский залив, но 32 из них Нева несет свои воды по территории города, образуя в дельте множество рукавов и протоков, островов и островков. Именно Нева определяет основу планировки Северной столицы. В удивительной гармонии архитектуры и водных пространств заключена главная особенность и притягательность исторического центра Петербурга.

Красавица Нева обладает капризным нравом, принесшим жителям немало бедствий. Главную опасность для города, расположенного на низких плоских берегах невской дельты, представляют частые наводнения. Петербург формировался в борьбе с враждебной стихией, в преодолении неблагоприятных природных условий. Но динамичный процесс урбанизации

вскоре преобразил естественный ландшафт. Архитектурная среда гармонично включила в себя подчиненную природу. Каналы и гранитные набережные, сады с прудами и фонтанами эстетизировали прежде унылый пейзаж равнинных берегов.

Эти преобразования распространились не только на территорию самого Петербурга. С самого начала он служил центром единой грандиозной агломерации. Она включила в себя парадные загородные резиденции (Петергоф, Стрельна, Ораниенбаум, Царское Село, Павловск, Гатчина), усадьбы и дачи, деревни, поселки и малые города. Она охватывала оба берега Финского залива и город-крепость Кронштадт на острове Котлин, поднималась вверх по Неве к ее истоку.

Этот город – воплощенная утопия. Он неразрывно связан с петровскими реформами и личностью царя-преобразователя. Вся противоречивость их оценок переносится на Санкт-Петербург. Он и центр зла и преступлений, символ народных страданий, насилия, всепоглощающей властной воли, и одновременно – торжество разума, гения Петра, открывшего новые горизонты российской истории, символ особой красоты рационального устройства жизни, идеальный город, город-идея и город-миф.

Петербург любили и ненавидели, но равнодушными не оставались. Подчеркнутый европеизм невиской столицы воспринимался русскими людьми неоднозначно. К восхищению невиданным прежде на Руси городом примешивалось чувство его искусственности и чужеродности, оторванности от родных корней. Порой это переходило в откровенное неприятие столицы, возникшей на топких финских болотах и, казалось, готовой погрузиться в пучину, исчезнуть, как мираж. Однако даже этот негативный аспект петербургского мифа был плодотворно претворен в литературе и изобразительном искусстве. Блестящий толкователь «петербургского текста» Юрий Лотман писал: «Этот город создан вопреки Природе и находится в борьбе с нею, что дает двойную возможность его интерпретации: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка – с другой».

На гербе Санкт-Петербурга два скрещенных якоря лапами вверх. Эта композиция выглядит аллюзией на герб Ватикана, на котором изображены бородами вверх ключи от рая, хранителем которых является апостол Петр. В обоих случаях изображены ключи. Только одни – от Царства Небесного, другие – от «парадиза» земного. Санкт-Петербург как морской и речной порт России давал ключи к европейской цивилизации – петровскому представлению о «парадизе». И именно в этом городе начинались все российские революции – утопические попытки установления Царства Небесного на земле.

Город Петра Великого, «революционера на троне» (А. И. Герцен), был свидетелем и участником величественных и трагических событий: революции 1917 года, которая потрясла мир, героической стойкости жителей и воинов в кольце вражеской блокады 1941–1944 гг. Город по праву гордится тем, что никогда не был под пятой иноземных завоевателей.

Петербург служил мостом, связавшим Россию с европейским культурным пространством. Здесь в XVIII столетии возникли Академия наук, Университет, Академия художеств, Театральная (Танцевальная) школа, первые в России музеи – Кунсткамера и Эрмитаж. Это предопределило превращение новой столицы в крупнейший научный и культурный центр страны, связанный с именами великих ученых, архитекторов, художников, писателей, музыкантов, театральных деятелей. Пройдя через беспримерные испытания XX века, город остается символом и основой русской культуры нового времени.

Образ Петербурга – города социальных бурь, великой литературы и великой музыки – ассоциируется прежде всего с его архитектурой. Исторический центр Северной столицы покоряет монументальным величием и строгим благородством, многоплановостью панорам и эффектным построением перспектив, неразрывным союзом воды и камня. Разные градостроительные периоды и художественные стили наделили его разнообразием и многоликостью. Но при этом общий строй городского ядра монолитно целостен. Главная, высшая его цен-

ность заключается в ансамблевом единстве архитектурной среды. «Петербург, если красив, то именно в целом или, вернее, огромными кусками, большими ансамблями, широкими панорамами, выдержанными в известном типе – чопорном, но прекрасном и величественном» (А. Н. Бенуа).

Величавый простор Невы и дальние речные панорамы задали укрупненный масштаб площадям и улицам Петербурга. Город поражал необъятностью открытого пространства. Обширные площади обычно разомкнуты, раскрыты вовне. Уходящие в глубину перспективы прямых проспектов и улиц включают в себя вертикальные акценты, которые связывают, как узлы, пространство города. Неожиданный контраст строгой регулярности и монументальному размаху центральных ансамблей составляют малые реки с их живописно изогнутыми берегами и камерными уголками, полными поэтического очарования. Важными элементами в общую картину города входят скульптуры и монументы, узоры металлических оград, многочисленные и разнообразные мосты, связывающие воедино острова невской дельты. В значительной степени именно мосты и гранитные набережные рек и каналов делают уникальными архитектурные ландшафты Северной Венеции.

Плотная застройка исторических районов ограничена двумя плоскостями: вертикальной, образующей сплошной фронт фасадов, и горизонтальной, очерченной предельной линией высоты. До начала XX века в столице не разрешалось строить дома выше императорского Зимнего дворца (23,5 м). Это еще больше сплотило монолитность рядовой застройки, выявило ее ровную протяженность, оттеняющую силу звучания высотных доминант.

Основные принципы застройки города были намечены в первые полвека его существования. В середине XVIII века созданы наиболее значимые образцы архитектуры барокко – Зимний дворец и Смольный собор. В царствование Екатерины Великой Петербург превратился в величественный столичный город в стиле классицизма. Для Петербурга первой трети XIX века характерен монументальный масштаб парадных ансамблей. В этот период были созданы шедевры ампира – Казанский собор, Адмиралтейство, Биржа, Главный штаб, Михайловский дворец. Формирование ансамбля центральных площадей завершилось к середине XIX века строительством грандиозного Исаакиевского собора. Вторая половина XIX – начало XX века – время необыкновенно интенсивных строительных работ. Сооружались постоянные мосты через Неву, железнодорожные вокзалы, заводы и фабрики, банки, универмаги, театры, церкви, целые кварталы доходных домов.

Подавляющее большинство домов в историческом центре города построено из кирпича и покрыто штукатуркой. Применение этих материалов позволяло легко перестраивать и перелицевывать фасады соответственно менявшимся вкусам. Поэтому старые петербургские дома состоят зачастую из нескольких разновременных «слоев». Такая многослойность чрезвычайно типична для Петербурга. Она, наверное, лишает петербургскую архитектуру ореола первозданности, но зато вбирает в себя и запечатлевает все зигзаги истории.

Бурный рост города был прерван Первой мировой войной и Октябрьской революцией. В 1918 году большевики перенесли столицу в Москву. Новое строительство в центре Ленинграда резко сократилось, благодаря чему в уникальной целостности сохранился архитектурный облик столичного города XVIII – начала XX века.

Петербург – один из тех городов мира, которые оказывают на своих обитателей исключительно сильное воздействие. Рельеф местности, особенности регулярной планировки и классической архитектуры, климат, мощный пласт культурного наследия, традиционная роль проводника европейской культуры в России – все это в совокупности образует неповторимую среду обитания. Мощное моделирующее воздействие городского пространства исторического центра Петербурга признается всеми, этот город отпечатывается в каждом, кто входит в его пределы, диктуя стиль поведения, проникая в мысли и чувства.

Напомним вкратце историю включения города на Неве в Список Всемирного наследия. Международная «Конвенция о сохранении Всемирного культурного и природного наследия» принята ЮНЕСКО в 1972 году. К началу XXI века ее ратифицировали около 190 государств мира. При этом 160 стран внесли свои уникальные достояния природы и культуры в Список Всемирного наследия, где сегодня содержится около тысячи таких объектов.

Советский Союз ратифицировал Конвенцию только в 1988 году, а в начале следующего года направил в ЮНЕСКО перечень первых трех объектов для внесения в Список Всемирного культурного наследия. К таким объектам были отнесены исторический центр Ленинграда, Московский Кремль и Красная площадь, а также Кижский погост в Карелии. Присоединившись к Конвенции, наша страна взяла на себя обязательство «сохранять свою часть Наследия человечества и обеспечить ее передачу будущим поколениям».

В декабре 1990 года на 14-й сессии Комитета Всемирного Наследия ЮНЕСКО заявка была утверждена. В Списке Всемирного культурного наследия под № 540 появилась запись: «Исторический центр Ленинграда и связанные с ним группы памятников» («Historic Centre of Leningrad and related groups of monuments»). Согласно заявочному листу, представленному Советским Союзом в ЮНЕСКО, эта номинация включала 36 основных позиций. Первая из них – исторический центр города, в том числе «системы ансамблей главного городского пространства; Невского проспекта; Литейной части; Васильевского острова; Петроградской стороны; Островов». В ряду памятников, связанных с центром Петербурга, были названы: историческая часть Кронштадта и Кронштадтская крепость с фортами в Финском заливе; дворцово-парковые ансамбли Пушкина, Павловска, Стрельны, Петродворца, Ломоносова и многое другое. Кроме того, в заявку были включены объекты, находящиеся на территории Ленинградской области, в 1990-х годах ставшей самостоятельным субъектом Российской Федерации. Это дворцово-парковые ансамбли в Гатчине, Ропше, Гостилицах, Тайцах, Шлиссельбургская крепость и так далее. Всего в утвержденной заявке 1990 года упомянуто около 150 ансамблей и комплексов.

Список Всемирного наследия предполагает создание специальной системы управления включенными в него объектами, разработку планов их особой охраны. Так, странами Северной Европы создан в Осло специальный Офис Северного Всемирного наследия. В Литве после включения Старого Вильнюса в Список было образовано Агентство по его управлению. К сожалению, ничего подобного нет в Петербурге, единственном мегаполисе планеты, обширный исторический центр которого объявлен всемирным достоянием.

Очевидно, что Петербургу, который мучительно пытается совместить динамичное урбанистическое развитие с охраной культурного наследия, необходимо воспользоваться международным опытом. Ведь аналогичные проблемы решаются во многих странах. В 1978 году Краков оказался первым европейским городом, исторический центр которого внесли в Список Всемирного наследия. Важно подчеркнуть, что именно исторический центр в целом, а не отдельные памятники и ансамбли. Вслед за древней столицей Польши в Список включили исторические центры Дубровника (1979 г.), Рима, Варшавы и Валетты (1980 г.), Флоренции (1982 г.), Люксембурга и Берна (1983 г.), Кордовы (1984 г.), Толедо (1986 г.), Венеции, Любека и Бата (1987 г.).

Уже после Ленинграда Список пополнился историческими центрами Праги (1992 г.), Вильнюса (1994 г.), Неаполя, Эдинбурга, Авиньона и Сиены (1995 г.), Порту и Зальцбурга (1996 г.), Риги и Таллина (1997 г.), Страсбурга и Лиона (1998 г.), Львова и Граца (1999 г.), Вероны и Брюгге (2000 г.), Вены (2001 г.), Ливерпуля (2004 г.), Гавра (2005 г.) и т. д. Это далеко не полный перечень только европейских городов Всемирного наследия. Естественно, опыт хорватского Дубровника или мальтийской Валетты не очень актуален для северного мегаполиса Петербурга. Но он может использовать теорию и практику зонной охраны исторических центров крупных, интенсивно развивающихся европейских столиц – Рима, Вены, Праги.

Существует Организация городов Всемирного наследия (OWHC), созданная в 1993 году специально для оказания помощи в разработке и развитии методов управления городами, внесенными в Список. В Париже работает Центр Всемирного наследия (UNESCO World Heritage Centre), который тоже консультирует страны-участницы, организует международную помощь и координирует действия при получении сообщений об угрозе объектам Всемирного наследия. Только в самое последнее время власти Петербурга установили контакты с парижским Центром.

В 2002 году принят Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В этом законе появилось упоминание о Списке Всемирного Наследия и охранных зонах. Объект, включенный в Список ЮНЕСКО, «признается особо ценным объектом культурного наследия народов Российской Федерации в первоочередном порядке» (ст. 24.2). Таким образом, согласно букве и духу закона, исторический центр Петербурга, включенный в Список наряду со «связанными с ним группами памятников», попадает в высшую категорию зон охраны. Согласно Федеральному закону, «Охранная зона – территория, в пределах которой в целях обеспечения сохранности культурного наследия в его историческом ландшафтном окружении устанавливается особый режим использования земель, ограничивающий хозяйственную деятельность и запрещающий строительство, за исключением применения специальных мер, направленных на сохранение и регенерацию историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия» (ст. 34.2). Разумеется, такой закон не мог понравиться строительным корпорациям и тем, кто представляет их интересы в различных органах власти.

В России, по мнению историка Н. М. Карамзина, строгость законов всегда компенсировалась необязательностью их исполнения. К сожалению, в нашем Отечестве ничего не изменилось в этом плане со времен Карамзина. Закон 2002 года не остановил варварское вторжение застройщиков в исторический центр Петербурга. Регулярно сносится рядовая застройка в охранной зоне. За последние годы город потерял исторические дома на Невском, Литейном, Вознесенском проспектах, на набережных Мойки, Фонтанки, Крюкова канала и Грибоедова, на Большой Морской, Кирочной и других центральных улицах.

Множатся искажения памятников архитектуры современными перестройками, десятки домов в историческом центре надстроены уродливыми мансардами, радикально изменившими культурный ландшафт Северной столицы. Под давлением алчных застройщиков городские власти исключили из Охранной зоны значительную часть Невского проспекта, половину набережных Фонтанки, большую часть Петроградской стороны и Крестовский остров. Архитектор Б. В. Николащенко, один из авторов заявки на включение Северной Венеции в Список Всемирного наследия, утверждает: «Если существующая практика укоренится, то Петербург станет городом-палимпсестом. Палимпсест – это пергамент, с которого стерли старый текст ради того, чтобы написать новый. С городом это происходит потому, что земля всегда дороже недвижимости...».

Новые угрозы, порожденные возрождением рыночной экономики в России, в сочетании с застарелыми болезнями (по официальным данным, сегодня в Петербурге в «активной фазе разрушения» более 1300 памятников истории и культуры, находящихся под охраной государства) активизировали общественное движение в защиту архитектурного наследия Петербурга. Среди лидеров этого движения в последние годы выделяются городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), общественные группы «Живой город», «Экология рядовой архитектуры» (ЭРА), «Синяя лента», «Охтинская дуга», «Зеленая волна», «Башне – нет!», Центр экспертиз ЭКОМ, Гражданская коалиция в защиту Петербурга, Всемирный клуб петербуржцев. Основные направления этих независимых градозащитных организаций: выявление и изучение объектов культурного наследия Петербурга, содействие их постановке на государственную охрану; общественный мониторинг состояния

и современного использования памятников; придание гласности фактов нарушения законодательства об охране наследия; организация независимых экспертиз; подготовка правовых, организационных и иных предложений, способствующих сохранению наследия.

Жизнь Петербурга начала XXI века отмечена нескончаемыми протестами горожан против уничтожения исторической застройки и зеленых насаждений общего пользования: митинги и пикеты регулярно будоражат общественное мнение (с 2007 г. ежегодно проводились не менее двадцати публичных акций, в том числе «Марши за сохранение Петербурга»), городская пресса чуть ли не ежедневно пишет о снесенных домах, телевизионные новости из Петербурга напоминают подчас сводки с полей сражений. История противостояния петербургской общественности и городских властей, связанная с планами строительства 400-метровой башни Газпром-сити (Охта-сити) напротив Смольного собора, – одна из наиболее ярких страниц общественной жизни Петербурга последнего десятилетия.

Сегодня в городе идет острая дискуссия об оптимальных границах Объекта Всемирного Наследия и буферных зон. Первые шаги в деле юридически полноценной идентификации Петербурга в Списке ЮНЕСКО, прежде всего – установление границ «исторического центра» и введение этого понятия в нормативную базу, делаются только сейчас. Иными словами, мы все еще остаемся в неведении о том, за что же несем ответственность перед мировым сообществом.

Но главная проблема видится не в границах охраняемого Объекта Всемирного наследия, а в том, что происходит внутри этих границ, насколько последовательно исполняются принятые законы, стратегические планы, регламенты, охранные режимы и другие «правила игры». Насколько вообще действуют в «самом европейском городе России» четкие, обязательные для всех правила. От наличия таких правил, а главное, от их неукоснительного и повсеместного соблюдения зависит, что из доставшегося нам уникального наследия мы сумеем передать потомкам.

Литература

Всемирное культурное и природное наследие в образовании / Под общ. ред. В. П. Соломина. СПб., 2001.

Горбатенко С. Б. Всемирное наследие – исторический ландшафт Санкт-Петербургской агломерации. СПб., 2011.

Горбатенко С. Б. Пространство императорского Петербурга: «священная пустота» или территориальный ресурс? // Пространство Санкт-Петербурга. Памятники культурного наследия и современная городская среда. СПб., 2003. С. 188–192.

Заворотный В. И. Спасти Петербург. СПб., 2011.

Кириков Б. М. 100 памятников архитектуры Санкт-Петербурга. СПб., 2000.

Лисовский В. Г. Архитектура Петербурга. Три века истории. СПб., 2004.

Марголис А. Д. Наследие и наследники // Петербург. Место и время. 2005. № 1. С. 44–48.

Марголис А. Д. Санкт-Петербург: История. Архитектура. Искусство. 2-е изд. М., 2010.

Охрана памятников Санкт-Петербурга. К 90-летию Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга. СПб., 2008.

Петербургская стратегия сохранения культурного наследия. СПб., 2006.

Санкт-Петербург: Наследие под угрозой / Ред. – сост. Е. Минченко, К. Сесил. СПб.; М., 2012.

Семенцов С. В. Градостроительная охрана исторического наследия Санкт-Петербурга // Пространство Санкт-Петербурга. Памятники культурного наследия и современная городская среда. СПб., 2003. С. 56–76.

Венеция и Петербург на исходе XX столетия

Санкт-Петербург имеет несколько основных псевдонимов, отраженных в политических декларациях, концепциях развития города, публицистике и художественном творчестве: «Окно в Европу», «Северная Венеция», «Новый Амстердам», «Северный Рим», «Северная Пальмира», «Колыбель революции», «Город Великого Ленина», «Культурная столица России».

Самый распространенный из них – «Окно в Европу». Его определение, как известно, принадлежит венецианцу Франческо Альгаротти (Русские путешествия. Письмо IV. 30 июня 1739 г.).¹ Сохранилось высказывание лорда Балтимора о Петербурге, которое Альгаротти, быть может, подхватил и несколько видоизменил: «Петербург – это глаз России, которым она смотрит на цивилизованные страны, и если этот глаз закрыть, Россия опять впадет в полное варварство».²

Как и три века назад, Петербург расположен на самом краю России. Он и форпост России в Европе, и форпост Европы в России, место сплавленности Европы и России, их взаимодействия.

Г. П. Федотов в 1926 году в статье «Три столицы», отвечая на вопрос «Чем же может быть теперь Петербург для России?», утверждал, что он «останется одним из легких великой страны, открытым западному ветру», ибо является преемником Великого Новгорода – и в военном,

¹ *Algarotti F. Viaggi di Russia / A cura di William Spaggiari. Parma, 1991.*

² Цит. по: *Альгаротти Ф. Русские путешествия / Перевод с итальянского, предисловие и примечания М. Г. Талалая // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. III. СПб., 1997. С. 236.* Существенно, что Альгаротти называет Петербург «большим окном» (*gran finestrone*), из которого Россия смотрит в Европу. Комментарий М. Г. Талалая: «...finestrone означает огромное окно, обычно выходящее на балкон или в лоджию, которым, в принципе, можно воспользоваться и как проходом. Например, в Венеции, родном городе Альгаротти, finestrone называют центральное окно – дверь Дворца дождей, сквозь которое дожди выходили на балкон во время торжественных событий».

и в торговом, и в культурном отношениях. И далее: «Не может быть безболезненной встреча этих двух стихий, и в Петербурге, на водоразделе их, она ощущается особенно мучительно. Но без их слияния – в вечной борьбе – не бывать и русской культуре. И хотя вся страна призвана к этому подвигу, здесь, в Петербурге, слышнее историческая задача, здесь остается если не мозг, то нервный узел России».³ Петербургский историк Г. С. Лебедев разделяет и углубляет взгляды Федотова: «Петербург был и остается одним из главных резонаторов мировой культуры. <...> Феномен Петербурга – концентрация наивысших достижений мировой культуры для качественного их преобразования на основе национальных ресурсов России».⁴ С этим мнением не вполне согласен культуролог Г. Л. Тульчинский, полагающий, что «окном России в мир в изрядной степени стала Москва».⁵ Никакой перспективы, кроме всеобщего развала «до основания», не видит у «навсегда уходящего от нас» города писатель М. Н. Кураев. Его книга «Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург» представляет собой очередную версию пророчества царицы Авдотьи – «Петербургу быть пусту». Теперь этот знаменитый приговор звучит так: «Цивилизаторская миссия была главной идеей существования этого города. Он смотрел с высоты невских берегов на всю остальную Россию, как на свою колонию. Задуманный как питомник и рассадник европейских саженцев на русскую почву, он почвой как раз и не интересовался. Его уникальное положение у моря определило его уникальную роль. Нужен ли сегодня такой рассадник, кто будет пользоваться услугами этого питомника, когда система финансовых, информационных и транспортных связей лишает Санкт-Петербург его исключительного положения, а стало быть, и значения? Он вымирает, не признавая себе в этом, он исчерпал себя, он отмирает, как ненужный орган, но делает вид, что только-то его время и наступило, только-то и начинается его настоящая жизнь!».⁶ Мы видим, что по вопросу о том, сохраняет ли Петербург роль «окна в Европу», существовали в 1990-х годах различные, включая полярно противоположные, точки зрения.

По мнению искусствоведа Г. З. Каганова, «самый звучный и популярный» псевдоним Петербурга – Северная Пальмира. К широко известным трактовкам данной идентификации, возникшей во второй половине XVIII века, исследователь добавляет еще один важный смысл. Он полагает, что продолжатели дела Петра были увлечены идеей города, созданного одним героическим рывком, новой столицы, которая может сразу войти в историю и навсегда остаться в ней, ничем не уступая городам, вставшим в нее сотни и тысячи лет. Казалось, что если уж в гибельной сирийской пустыне удалось разом построить прекрасную Пальмиру, то на Неве тем более получится. «Тут не принималось во внимание, что историческая Пальмира возникла не на пустом месте и развивалась много веков. <...> Важны были не столько достоверные факты, сколько яркий образ».⁷ Однако нельзя согласиться с мнением Каганова, когда он утверждает, будто «к 1840-м гг. обществом было отвергнуто само представление о возможности искусственной однократной имитации долгого исторического процесса»,⁸ а идеал античной Пальмиры окончательно потерял всякую актуальность. Стремление «загнать клячу истории», «сделать сказку былью», гигантским скачком преодолеть многовековую отсталость – все это с новой силой актуализировалось в XX веке. Модифицированный образ Пальмиры вновь и вновь воодушевлял строителей социализма в отдельно взятой стране.

³ Федотов Г. П. Историческая публицистика // Новый мир. 1989. № 4. С. 211–212.

⁴ Лебедев Г. С. Мета-Петербург (основания программы) // Петербургские чтения (к юбилею города): Тезисы докладов конф. СПб., 1992. С. 16.

⁵ Тульчинский Г. Л. Санкт-Петербург в поисках идентификации, или Кому он нужен – этот город // Петербургские чтения: Тезисы докладов науч. конф. 23–27 мая 1994. СПб., 1994. С. 123.

⁶ Кураев М. Н. Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург. СПб., 1996. С. 19–20.

⁷ Каганов Г. З. К вопросу об именах и псевдонимах Санкт-Петербурга // Петербургские чтения: Тезисы докладов науч. конф. 23–27 мая 1994. СПб., 1994. С. 17.

⁸ Там же.

Еще одной популярной идентификацией Петербурга остается псевдоним Северная Венеция, поддерживаемый очевидным подобием этих двух городов. Их сближают мерцающая вода каналов, иллюзорность города, зеркально отраженного в водах, свойство Венеции и Петербурга провоцировать мистические настроения, само противостояние городской тверди и водной стихии, постоянно готовый потопить Петербург и поглотить Венецию...

Г. З. Каганов рассматривает шесть смыслов этого псевдонима Петербурга.⁹ «Самый первый смысл был и самым конкретным: „Северная Венеция“ означала просто Амстердам». Именно так в XVII веке называли главный город Голландии. Венеция и Амстердам оказались как бы синонимами, вместе составляя образец, которому следовал Петр Великий. Второй смысл: город-остров среди моря. Третий смысл – не физическое подобие, а художественный образ Венеции. Изображения Петербурга в графике и живописи *al modo di Venezia* возникают с середины XVIII века и достигают вершины в творчестве Ф. Алексеева, получившего «титло русского Каналетто». Четвертый смысл – теснота городской застройки. Ссылаясь на Теофила Готье, Каганов полагает, что «не величие, а уют и интимность, не широкий простор Невы, а тесные внутренние проезды и узкие городские речки, прорезающие каменное тело города, – вот что в середине XIX века создает сходство с Венецией и ценится выше всего». ¹⁰ Пятый смысл – среда венецианского карнавала. В начале XX века в Петербурге культ Венеции XVIII века исповедовался значительной частью художественной интеллигенции. Шестой смысл – греза об утраченном Петербурге. Такой смысл псевдоним приобрел на Западе в среде русской эмиграции: «Оттуда Петербург как-то сам собой воспринимался на венецианский лад» (например, образы Петербурга в поздней графике А. Н. Бенуа и М. В. Добужинского).

В XX веке *destructio* Петербурга, «города трагического империализма» (Н. П. Анциферов), проецируется на Венецию, отмеченную длительным умиранием. Поразительно много черт сходства обнаруживается при сопоставлении исторических судеб Венеции и Петербурга, хотя венецианская история в пять раз протяженнее петербургской.

Напомним, что Венеция основана в 451 году, когда гунны, ведомые Аттілой, вторглись на Апеннинский полуостров и разрушили город Аквилею, заставив оставшихся в живых искать убежище на островах лагуны. Высшей степени своего расцвета и могущества Республика Сан-Марко достигла спустя тысячелетие после ее основания; Петербургу для этого понадобилось чуть более ста лет. В XIII–XIV веках к Венеции перешло господство в торговле между Европой и Востоком, и она стала «господином и хозяином четверти и еще полчетверти Римской империи». В столицу торговой империи стекались несметные богатства, здесь возводились великолепные храмы и дворцы, прокладывались новые каналы, строились мосты...

В XV–XVI веках политическое и экономическое значение и влияние «жемчужины Адриатики» начинает таять. После захвата Константинополя турками, открытия Америки и морского пути в Индию сместились торговые пути, проходившие на Восток через Италию. В XVII веке турки отобрали у Венеции ее греческие владения, что привело к резкому сокращению объема ее торговли с Востоком. Аналогия с упадком Петербурга после крушения империи Романовых в начале XX века и распадом советской империи в начале 1990-х годов очевидна.

Но Венеция, накопившая в Средние века огромные богатства, осталась культурным центром, городом искусств.¹¹ Целиком утратив былую мощь, она наполнилась в XVIII веке зву-

⁹ Каганов Г. З. Северная Венеция: шесть смыслов псевдонима // Петербургские чтения-95: Материалы науч. конф. 22–26 мая 1995 года. СПб., 1995. С. 58–60. Каганов повторяет укоренившееся в исторической литературе мнение о том, что, «в отличие от Амстердама, Венеции он [Петр Великий] так и не увидел». Исследования С. О. Андросова достаточно убедительно показали: Петр все-таки посетил Венецию 19 (29) июля 1698 г. Согласимся с тем, что даже одного дня было достаточно будущему основателю Петербурга, «чтобы запомнить Венецию на всю жизнь» (Андросов С. О. Петр Великий в Венеции // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 134).

¹⁰ Каганов Г. З. Северная Венеция: шесть смыслов псевдонима. С. 59.

¹¹ Упадок благосостояния государства отразился на архитектуре как на самом дорогом виде искусства: в XVII веке венецианцы строят значительно меньше, чем в предшествующие времена, а в следующем столетии крупного строительства не

ками музыки и закружилась в вихре карнавала. Под властью Наполеона, затем Австрии и наконец в составе объединенной Италии Венеция постепенно переходила на положение города-музея.

«Венеция, – писал историк искусств Марк Монье, – накопила за собой слишком много истории, она отметила слишком много дат и пролила слишком много крови. Она слишком долго и слишком далеко отправляла свои страшные галеры, слишком много мечтала о грандиозных предназначениях и слишком многие из них осуществила...». ¹² Эта характеристика вполне приложима к краткой, но чрезвычайно интенсивной и насыщенной трагическими событиями истории Петербурга.

Проблемы современной Венеции, резко обострившиеся после наводнения 4 ноября 1966 года, когда вода поднялась на 194 сантиметра выше уровня моря и стояла три дня, включают самый сложный комплекс вопросов защиты, реставрации и поддержания жизнеспособности старого города, расположенного на 118 островах лагуны. ¹³ Зданиям, сооружениям, бесценным произведениям искусства все больше угрожают и вода, размывающая фундамент и стены, и отравляемый промышленностью Местре ¹⁴ влажный морской воздух, разрушающий камень и металл. ¹⁵ Путешествие по любому из малых венецианских каналов обнаруживает картину «загнивания» городской застройки: большие участки стен с обвалившейся штукатуркой, расстрескавшимся кирпичом, забитые окна первых этажей, выщербленные каменные блоки.

Весьма остры социальные проблемы Венеции. Значительная часть жилья не отвечает современным требованиям. Основные места трудовой деятельности – на материке. Население исторического ядра города неуклонно сокращается, при этом Венеция становится городом стариков. Покинутые жилые помещения (главным образом в первых этажах зданий) практически невозможно поддерживать, дома быстро отсыревают, ускоряется их старение и разрушение.

Все эти факторы, тесно взаимосвязанные и действующие одновременно, приближают катастрофу города. Нужны радикальные меры спасения. В последней трети XX века проблема Венеции стала достоянием широких общественных кругов в Италии и далеко за ее пределами.

Мы сознательно сгустили краски, чтобы подчеркнуть актуальность псевдонима Северная Венеция для современного Петербурга. Великий город, прославившийся на весь мир своими неповторимыми архитектурными ансамблями и грандиозными историческими событиями, оставившими неизгладимый след в памяти человечества, переживает в конце XX века вместе с Россией тяжелые времена. Суть происходящего определил в 1991 году мэр Петербурга А. А. Собчак: «Город не просто в кризисе, у нас катастрофа. Слово „спасение“ здесь единственно верное. Если мы сегодня не приложим колоссальных усилий, то завтра может быть поздно». ¹⁶ Вот лишь некоторые факты, характеризующие Петербург первой половины 1990-х годов.

1. Постоянное население города уменьшилось с 5 млн человек в 1990 году до 4,8 млн в 1996-м. С 1988 года неизменно падает число родившихся, а с 1989-го постоянно растет число умерших. В 1996 году в Петербурге умерло вдвое больше, чем родилось. На структуру населе-

предпринимают вовсе.

¹² Цит. по: *Муратов П. П.* Образы Италии. М., 1994. С. 23.

¹³ См.: *Разумов Г. А., Хасин М. Ф.* Тонущие города. 2-е изд. М., 1991. С. 193–232.

¹⁴ Местре – материковая промышленно-портовая часть Венеции. Здесь сосредоточены алюминиевые и нефтеперерабатывающие заводы, химические предприятия, теплоэлектроцентрали, судоверфи, второй в Италии по грузообороту морской порт.

¹⁵ На протяжении XX века Венеция довольно быстро (до 5 мм в год) погружалась в лагуну, в результате суша погрузилась на 23 см. Основная причина бедствия – промышленный забор воды из артезианских скважин и, как следствие, понижение водоносного слоя земли; на постепенное затопление города также влияет возрастающее давление наземных объектов. После закрытия скважин оседание города замедлилось, ныне прекратилось. По расчетам ученых, Венеция может стать не пригодной для жизни уже в 2028 г. Постепенное разрушение города происходит также из-за увеличившейся частоты наводнений в Венецианской лагуне.

¹⁶ *Собчак А. А.* Сбереечь для человечества // Наше наследие. 1991. № 6. С. 114.

ния города традиционно серьезное влияние оказывали переселенцы (вольные или невольные). Если до 1991 года общий прирост населения формировался главным образом за счет мигрантов, то в начале 1990-х миграционное сальдо имело уже отрицательный знак: уезжало больше, чем прибывало. Согласно прогнозу Центра экономической конъюнктуры при правительстве России, сохранение негативных тенденций ожидается в ближайшие 5–10 лет. Постоянно убывает доля жителей Петербурга в численности населения страны. Миграционные процессы в сочетании с динамикой рождаемости и смертности заметно влияют на половозрастную структуру населения города. Доля горожан моложе трудоспособного возраста имеет тенденцию к сокращению, а доля петербуржцев старше трудоспособного возраста – к росту. Одновременно доля женщин почти на 10 % превышает долю мужчин (по всей России – на 7 %). Очевидно, что демографические проблемы города обострены экономическим кризисом.

2. Гигантское свертывание производства в России в первой половине 1990-х годов сопоставимо с Великой депрессией в США. Общий объем промышленного производства за 1991–1994 годы сократился наполовину, как и в США в 1929–1933 годах. Темпы падения производства в следующие два года сохранились. Спад индустриального производства в Петербурге оказался более глубоким, чем по стране в целом. Промышленность Северной столицы родилась и развивалась на протяжении трех веков прежде всего как военная. К моменту распада советской империи около 70 % промышленности Ленинграда составляли машиностроительные предприятия, значительная часть которых была занята производством разных видов военной продукции,¹⁷ выпуск которой с начала 1990-х годов неуклонно сокращался. В результате стремительно распадалась отрасль, оснащенная передовыми технологиями, на предприятиях которой были заняты сотни тысяч наиболее квалифицированных работников. Демилитаризация экономики и конверсия ВПК протекали здесь не менее болезненно, чем в других регионах.

3. Исторически Петербург сложился как общероссийский центр подготовки специалистов высшей квалификации. Здесь основаны Петром Великим Академия наук и первый российский университет, на протяжении трех столетий создавались высочайшие образцы культуры, велись фундаментальные и прикладные научные исследования, развивались наукоемкие технологии. Долгие годы считалось, что высшая школа Петербурга является уникальной и наиболее мощной образовательной системой страны. Однако и в этой сфере проявились угрожающие тенденции, тесно связанные с экономическим кризисом. С 1985 по 1996 год число работающих в сфере науки в Петербурге сократилось почти вдвое. Количество студентов уменьшалось значительно быстрее, чем население города.¹⁸

4. Историческое ядро Петербурга площадью 4800 гектаров, внесенное в 1990 году в Список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, – активно функционирующий центр современного мегаполиса. На территории центра в первой половине 1990-х годов проживало около 800 тыс. и работало свыше 1 млн человек. В эту зону особой деловой и культурной активности ежедневно прибывало еще до 1,8 млн человек. Жилой фонд центральных районов составлял 20 % общего жилого фонда города. Утвержденная в 1996 году Федеральная целевая программа развития исторического центра Петербурга констатировала, что в реставрации, реконструкции или капитальном ремонте нуждаются до 10 млн квадратных метров жилого фонда дореволюционной постройки; инженерные сети – тепловые, электрические, газовые, водопроводные, канализационные – общей протяженностью свыше 2 тыс. км; главная водопро-

¹⁷ К началу 1990-х гг. в Ленинграде сформировался конгломерат отраслей по производству новейших вооружений, включавший и многие направления науки, который оказывал значительное влияние на социально-политическую и в каком-то смысле нравственную атмосферу. В период наставшей гонки вооружений ВПК Ленинграда активно участвовал в разработке и совершенствовании военно-морской, ракетной, космической, авиационной, танковой, артиллерийской техники. Эта гигантская «кузница оружия» находилась в опасной зависимости от государственного заказа. Даже частичная демилитаризация экономики и конверсия ВПК должны были неизбежно обернуться для города острейшими проблемами.

¹⁸ См.: *Музыбаев К.* Динамика уровня жизни в Петербурге. 1992–1994. СПб., 1995.

водная станция, электростанции и другие инженерные сооружения.¹⁹ Состояние памятников истории и культуры в Петербурге – катастрофическое. Обследование показало, что более ста уникальных памятников, официально охраняемых государством, находятся в полуразрушенном или аварийном состоянии, а еще 355 памятников нуждаются в ремонте и реставрации.

Таковы некоторые факты. По мнению главного архитектора Петербурга 1990-х годов О. А. Харченко, «наш город похож на квартиру, уставленную антикварной мебелью, но напрочь лишенную предметов быта – стиральной машины, телефона, антенны спутниковой связи и т. п. Причем ценность доставшегося от предков антиквариата стремительно падает по мере его обветшания».²⁰

Ностальгически-охранительная тенденция, преобладавшая в общественном мнении посткоммунистического города, подталкивала к культивированию милых сердцу остатков старины. Эту атмосферу самоутверждения Петербурга в его историческом прошлом можно охарактеризовать как похоронный звон по его великой судьбе. Наивными оказались попытки возродить «Россию, которую мы потеряли», «блистательный Петербург» и т. п. Действительное спасение города требовало раскрытия новых смыслов и степеней свободы, не столько реставрации, сколько – ревитализации. Город должен был обрести новую идею, новое предназначение, «новый миф»...

Новая концепция социально-экономического развития города, разработка которой была начата в те годы авторами «Стратегического плана для Петербурга», в самом общем виде предлагала эволюцию гигантской кузницы оружия в международный центр импортно-экспортных операций, туризма, науки и культуры. Смена приоритетных направлений развития Северной Венеции только начиналась, и обретение новых идентификаций приходило с большим трудом. Принципиально важно было осознать, что культурные достижения Петербурга не являются реликтами ушедших эпох, что они составляют тот решающий капитал, который может в значительной мере обеспечить возрождение и процветание города в XXI веке. В предисловии к книге Н. П. Анциферова «Душа Петербурга» профессор И. М. Гревс писал: «Петербург уже пережил апогей своей славы, померк ныне его блеск. Но умирает ли он или только тяжело болен? Будем верить, что он возродится не в прежней царственной мантии, но в новом расцвете научно-художественного зиятельства, идейной работы и культурной энергии...».²¹

¹⁹ См.: Федеральная целевая программа развития и сохранения исторического центра Санкт-Петербурга: В 2 т. СПб., 1994.

²⁰ Харченко О. А. Олимпийский шанс Петербурга // Петербургские чтения-96: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996. С. 34.

²¹ Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Пг., 1922. С. 14.

Феномен «коренного» петербуржца: мифы и реальность

Поводом для написания этой статьи стало знакомство с публикацией искусствоведа Н. В. Желанной под интригующим названием «Genius loci Ленинграда».²² По мнению автора, «за два с лишним века развития города у коренного его населения успели сложиться и закрепиться те черты образа жизни, тот внешний облик и духовные склонности, которые дают возможность говорить о человеке особого типа – ленинградском жителе. Носителем мировоззренческих традиций культуры Петербурга – Ленинграда выступает интеллигенция из числа коренных горожан, составляющая костяк ленинградского общества». При этом с сожалением констатировалось, что «культура коренных жителей Ленинграда постоянно разбавляется группами мигрантов: в связи с низкой рождаемостью механический прирост населения в городе всегда преобладал над естественным».²³ Затем в статье вскользь говорилось о «свойственных мигрантам нестабильных ценностных ориентациях» в отличие от коренных горожан – людей «особого типа», «носителей мировоззренческих традиций культуры Петербурга – Ленинграда».

Столь категоричное противопоставление потомственных, «коренных» жителей Северной столицы петербуржцам в первом поколении все-таки нуждается, как мне кажется, в отчетливом обосновании. Увы! В заинтересовавшей меня статье его не оказалось.

Подобная априорность суждений присуща и другим исследователям «феномена Петербурга». Профессор М. С. Каган, изучавший приметы петербургской субкультуры и особенности ее стиля, считал, что они «порождены деятельностью формировавшегося в граде Петра на

²² Желанная Н. В. «Genius loci» Ленинграда // Техническая эстетика. 1989. № 6.

²³ Там же. С. 18.

протяжении двухсот лет нового духовного слоя россиян – петербургской интеллигенции». И далее: «Само понятие „петербуржец“ стало термином, обозначающим человеческий тип, отличающийся по психологии и поведению. Несмотря на многолетние упорные попытки властей вытравить сам дух Петербурга, несмотря на последовательную политику люмпенизации города, наводнявшегося так называемыми лимитчиками, он сохранил духовный потенциал».²⁴ Таким образом, мигранты сводятся к «лимитчикам», а «духовный потенциал» Петербурга сохраняется не благодаря, а вопреки приезжим.

По мнению этнодемографа и генеалoga И. В. Сахарова, «коренному населению города в целом, потомственным петербуржцам, к каким бы этническим группам или религиозным общинам они ни принадлежали, оказались присущи особый петербургский дух, своеобразный петербургский менталитет, специфическое мироощущение...». После революции, полагает исследователь, «сложившийся здесь (т. е. в Петербурге. – А. М.) мир „Европы в миниатюре“ был безжалостно уничтожен, общеевропейский дух сломлен, и о них стали напоминать лишь внешняя архитектурная оболочка да немногие пережившие революцию, массовые репрессии и блокаду коренные петербуржцы – уцелевшие носители добрых старых культурных традиций».²⁵ Невольно задаешься вопросом, сколько же среди нас этих немногих «атлантов, держащих небо на каменных руках», коренных петербуржцев, родившихся до 1917 года, переживших «революцию, массовые репрессии и блокаду»? В интереснейшей статье И. В. Сахарова нет ответа на этот закономерный вопрос. Частично свет на него проливает работа Н. И. Гайдукowej, в которой сообщается, что к началу 1990-х годов структура населения города на Неве была такова: родились в Ленинграде 52 % жителей, приехали до войны – 4 %, послевоенные мигранты – 44 %. «Коренных жителей в полном смысле слова (мать и отец родились в этом городе) осталось не более 10 %. Такая интенсивная динамика населения не оказала положительного влияния на городскую культуру».²⁶

²⁴ *Каган М. С.* Слово Петербурга в истории русской культуры // Возрождение культуры России: Истоки и современность. Вып. 1. СПб., 1993. С. 96.

²⁵ *Сахаров И. В.* Столица Российской империи как прообраз объединенной Европы (взгляд этнодемографа и генеалoga) // Феномен Петербурга: труды Междунар. конф. СПб., 2000. С. 151.

²⁶ *Гайдукowa Н. И.* Население и жилая среда Санкт-Петербурга за 100 лет // Петербургские чтения: тезисы докладов конф. СПб., 1992. С. 163.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.